

Ф.Н.Ильясов

КВЭСТОФОБИЯ КАК ФОРМА СОЦИОГЕННОЙ ПАТОЛОГИИ

ИЛЬЯСОВ Фархад Назипович — кандидат философских наук, докторант Института социологии РАН.

Французский исследователь П.Жане в своей монографии, вышедшей в 1903 году, в числе интеллектуальных болезненно усиленных, ажитированных состояний выделил "манию" задавать вопросы [1]. В то же время хорошо известна фобия, навязчивый страх сказать на людях что-то неуместное или глупое. По-видимому, можно говорить о том, что сторона, задающая вопросы (если боязнь сказать глупость отнести и к вопросу), в своих возможных патологиях описана. Однако сторона, воспринимающая вопрос и стоящая перед необходимостью отвечать на него, тоже может иметь определенные патопсихологические сложности. Нам не удалось найти описание подобных феноменов в социологической литературе [2,3], однако в медицинской литературе информационным неврозам посвящена целая монография [4].

Такие характерологические особенности, как интровертированность (необщительность, замкнутость) и экстравертированность (повышенная общительность, открытость), хорошо известны. Что касается отказов участвовать в социологических опросах, отказов отвечать на отдельные вопросы интервью или анкеты, то логично предположить: интроверты чаще проявляют негативные реакции на ситуацию опроса. Эту зависимость можно рассматривать более жестко: лица, менее других расположенные отвечать на вопросы, и есть интроверты.

Известно, что респонденты реже пропускают фактографические и чаще — оценочные вопросы. Вероятно, превышение неответов на оценочные вопросы в большей мере создается экстравертами. В предлагаемых заметках хотелось бы остановиться на "клиническом" аспекте интровертированности, проявляющемся в ситуации опроса.

В 1980-1981 годах я проводил фокус-группы (тогда это называлось "глубинное нестандартизированное групповое интервью") с целью выявить понимание некоторого научного термина, его структуры и связанных с ним ассоциаций среди молодых ученых. Опрос проводился в спонтанно возникающих группах, члены которых заранее не знали о предстоящем интервью. (Необходимо отметить, что в этих группах оказались лица, ранее не дававшие согласия на опрос и присутствовавшие там вынужденно: им неудобно было уйти.) При проведении обычных индивидуальных интервью, а тем более фокус-групп, исследователь, спрашивая согласия на опрос, уже производит своеобразный отсев крайних экстравертов: их оценки и мнения остаются за гранью анализа.

Во время проведения описываемого интервью я обратил внимание на случаи (их было два-три) крайне острой реакции на задаваемые вопросы. Поскольку ситуация была близка к неформальной, респондентам казалось неудобным не отвечать на

вопросы неличного характера. Однако на необходимость отвечать они реагировали болезненно, и их сложные, мучительные раздумья весьма ярко проявлялись. Хотя модератор и остальные участники опроса, с которыми "отказники" находились в приятельских отношениях, оказывали на них давление, описываемые лица отказывались отвечать. Причем складывалось впечатление, что подобное происходило не из робости: просто у людей существует некоторый барьер перед ответом на вопросы.

Вспомнил я об этом недавно, когда мне довелось в течение нескольких недель близко наблюдать яркий случай квэстофобии¹. Описываемое лицо, назовем его Т., охотно отвечало только на вопросы типа. "Который час?", "Какой сегодня день недели?". На вопросы "Что сегодня продают в буфете?", "Как добраться до центрального универмага?", "Что продается в магазине, из которого Вы сейчас вышли?", — он отвечал с трудом, преодолевая внутреннее сопротивление.

У нас случались примерно получасовые периоды совместного ожидания, ничем не заполненные. Отношения между нами установились вполне приятельские. Это обстоятельство как раз и усиливало переживания Т., когда он уклонялся от ответов на оценочные вопросы. Т. на них вообще не отвечал, идя порой на откровенную ложь о своей неосведомленности. Гипотеза о квэстофобии в отношении описываемого лица возникла как единственное объяснение его странных ответных реакций. Далее я уже целенаправленно исследовал ситуацию и с удивлением убеждался в правильности своего предположения.

Т. не мог преодолеть внутреннего барьера (даже заметного страха — когда ситуация с неответом обострялась) и ответить на самый безобидный оценочный вопрос. Так, я несколько раз спрашивал: "Как Вам понравился вчерашний фильм?" Т. пересказывал некоторые детали сюжета, не всегда ключевые, но уклонялся от ответа типа: "плохой — хороший", "понравился — не понравился". У меня все время было ощущение, что он боится это сделать. На вопросы: "Как Вы оцениваете (относитесь) такое-то лицо (кинозвезду, политика, чиновника)?", — Т. давал фактографические ответы (возраст, рост, костюм, роли в кино, ступени карьеры). Крайне редко и демонстративно приводил оценки других лиц, но никогда своей. В ответ на вопрос: "Разделяете ли Вы приведенные оценки?" — Т. их повторял.

Если оценочные вопросы задавались вновь, Т. повторял свои уклончивые ответы в различных вариациях. После третьего — четвертого повторения вопроса Т., с видимым усилием, отвечал: "Не знаю", "Затрудняюсь ответить". Чувствовалось, что Т. критически относится к своему страху, понимает его болезненный характер, однако не может от него освободиться. При этом Т. пытался скрыть свою боязнь вопросов.

Надо сказать, что Т. не проявлял какой-либо поведенческой неадекватности в других сферах, он занимал крупный пост, слыл хорошим работником. Всегда, хотя несколько формально, но вежливо здоровался и прощался, был предупредителен и почти доброжелателен. Интересно, что на "служебные вопросы", задаваемые "на рабочем месте", он отвечал без видимого напряжения, но коротко, только по существу и формально, игнорируя подтексты и намеки.

Конечно, если признать феномен квэстофобии реально существующим, то он в первую очередь должен заинтересовать патопсихологов и психотерапевтов. Известно, что информационно-коммуникативная перегруженность и нарушение экологичности информационной среды выступают в качестве патогенного фактора, порождая новые, специфические социогенные массовые патологии. Поэтому дальнейшее развитие

---

¹ От лат. *quaestio* — вопрос.

коммуникаций и массовых опросов могут породить такую социальную проблему, как квэстофобия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов-Смоленский А.Г. Очерки нейродинамической психиатрии. М.: Медицина, 1974.С499.
2. Федоров И.В. Причины пропуска ответов при анкетном опросе // Социологические исследования. 1982. N2. С185-189-
3. Бутенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентом. М.: Высшая школа, 1989. С.164-168.
4. Хананашвили Н/И. Информационные неврозы. Л.: Медицина, 1978.